

Родители и Вторая немецко-русская война или о расцвете и агонии¹ Третьей германской империи

(Из книги „Поезд отправляется“

www.literatur-viktor-prieb.de)

*Коммунистический и фашистский рейхи или о том, как
снова стать крестьянином и как вернуться на Родину*

Он пошел на север и попал в Сталино² в Донбассе. Эта Рурская область России – названная также по имени маленькой речушки «Донец» – предлагала достаточно работы на шахтах и вокруг них. Он обучился профессии каменщика и с тех пор строил жилые дома для все новых шахтеров, потоком прибывающих из вымирающих от голода деревень всей вновь созданной большевиками на костях и крови их террора империи, названной ими теперь «СССР».

Там он познакомился с Матерью, которая – после того как она в течение года таганила под землей вагонетки с углем – как подсобница обслуживала его теперь на стройке раствором и камнями, и стал Отцом. Там застала его с его новой, состоящей между тем из одной дочери и снова беременной Матери семьей Вторая немецко-русская война.

С началом войны у оставшихся еще в живых немецких колонистов проснулись новые надежды. Им однако вновь положил конец Сталин своим Указом от 28-го августа 1941-го года. Согласно этому Указу, все живущие в России немцы были превентивно и поголовно – *только на основании их национальности* – объявлены предателями «их советской Родины» и шпионами Германии и приговорены к уничтожению.

Следуя этому Указу, все компактно проживающие и еще не успевшие попасть в оккупированную немецкими войсками зону немцы, начиная с жителей засим отмененной Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья, должны были в течение двадцати четырех часов упаковать только самое необходимое, были затем сами упакованы в железнодорожные скотские вагоны и выброшены за Урал. Большинство мужчин рабочего возраста, а также их трудоспособные жены были согнаны в упомянутые уже спецконцлагеря принудительного труда, названные «трудоармией». Их оставшиеся в результате этого сиротами и еще нетрудоспособные дети были замечены в детские приюты.

Немцам, которые жили одиночно, посчастливилось больше – из-за молниеносно наступающих немецких войск энкэвэдистам не оставалось больше времени на них охотиться и их отлавливать. На всякий случай Отец затаился все-таки на пару недель в городе. За два дня до вступления «германцев» в город, который вот уже больше недели, как был оставлен Красными, Мать принесла на свет первого сына, который – само собой разумеется – был тут же наделен именем нового рейхсфюрера и под этим именем зарегистрирован в новых немецких учреждениях.

---

¹ предсмертная борьба

² сегодняшний Донецк

Потом пришел Новый порядок Третьего рейха, согласно которому, каждому было разрешено получить новый или же свой старый, экспроприированный большевиками кусок земли и обрабатывать его.

О своей старой земле Отец не хотел больше ничего знать. Во-первых, часть ее он уже один раз получил от Ленина назад и еще хорошо помнил, что из этого вышло. Во-вторых, он еще ребенком пережил в Гражданской войне, какими временными бывают созданные в ходе войны новые государства, империи и порядки. При этом, тогда тоже каждый и при каждой смене порядка притягивался к ответу и мести.

– Земля – она везде земля, – считал Отец, – и чем меньше человек в эти бурные времена к ней привязан, тем легче может он ее в случае чего бросить и себя таким образом спасти! – решил он в конечном итоге, вспоминая отрицательный пример своего Отца.

Его надеждой было, кроме того, не восстановить старый порядок немецких колоний с помощью Нового порядка Третьего рейха и вновь им наслаждаться, а исправить ошибку своего Отца, которая стоила Семье стольких жертв, и вернуться, наконец, в свою материнскую землю Германию.

Размышления о Родине и Отечестве или о том, куда и почему надо бежать

Мысль о возвращении в Германию укоренилась в сознании Отца как наследство еще со времени Гражданской войны, когда многим немецким колонистам пришлось тяжело взвешивать эту единственную возможность спасения и многие, включая его Отца, не воспользовались ею, недооценив-таки надвинувшейся катастрофы. Теперь, когда эта возможность снова стала реальной, Отец пытался сам осознать, что же собственно означает для него Германия. Его Родиной и Отечеством она не была, но Россия тоже не была ими и уж во всяком случае не мог ими быть этот новый, чудовищный СССР.

При понятиях «Родина» и «Отечество» он думал, скорее, о своем счастливом детстве на хуторе своего Отца с пшеничными и ржаными полями без конца и края в Таврии – огромной степной области Южной России со многими хуторами, селениями и городками, которые были выстроены и обустроены по образцу хуторов, селений и городов Германии.

Немецкие колонии с немецким порядком, архитектурой, культурой, языком и даже со сходным германскому мягким климатом и все же другие: гораздо больше неба, гораздо больше земли и даже гораздо больше богатства и свободы, чем в Германии. А в центре всего этого Пришиб с домом, с белым роялем и с вечерами в кругу русских Белых офицеров – где они теперь?

Эти колонии были для него Родиной и Отечеством. Там, на евангелическом церковном кладбище лежали его Отец и Отец его Отца. Отец же последнего, его Прадед, который в наполеоновское время, в году 1804-ом выехал из Вюртемберга – Первый германский рейх стоял уже непосредственно на пороге своего исчезновения в последней агонии, а Второго, также как и Третьего рейха и, вообще, Германии в ее сегодняшнем смысле не было еще вовсе – и заложил тем самым такой резкий поворот в истории Семьи, покоился на кладбище в Гоффентале³, в основанном им в долине его новых надежд селении, невдалеке от Пришиба, под чугунным могильным обелиском с датой выезда из Германии

---

³*Hoffental – долина надежды (нем.)*

среди прочих надгробных надписей. Где остались они сейчас – эта новая Родина, это новое Отечество, в котором похоронены три поколения Отцов, и те новые надежды?

Немецкие колонии Южной России были не теми завоеванными немецкими солдатами колониями по всему миру, которые шли на пользу материнской земле Германии и были ей известны, а представляли собой подаренные Великой немецкой императрицей России немецким крестьянам для колонизации и окультуренные ими области в отвоеванных у Турции, диких и никогда не паханных степях. Эти степные, приведенные этими немецкими крестьянами к процветанию области служили как закром Европы и на благо России.

За это – так тяжело, с потом и усердием – созданное Отечество, за их имущество и владения, за их семьи бились его немецкие родственники в Первой мировой войне – для них бессмысленной и братоубийственной, как уже сказано, войне. Большинство солдат-германцев перед войной вообще не имели, наверное, даже представления о том, что в России существует что-то подобное этим немецким колонистам, так же, как большинство немцев в Германии и по сей день еще не имеют представления о том, что что-то подобное когда-то существовало и что поэтому и по сей день существуют еще немцы вне Германии.

Братья-враги или о том, почему надо учить историю, прежде чем идти на войну

Один из родственников Отца был в этой братоубийственной войне в качестве артиллерийского офицера со своей батареей участником Брусилковского прорыва и последующего кратковременного наступления русских. После выигранного боя он должен был продвинуть свою батарею вперед на новый рубеж.

Он шел по заваленному трупами и ранеными немецкими и русскими солдатами лесу, чтобы определить новую позицию для своей батареи, и натолкнулся на тяжело раненого немецкого унтер-офицера.

– Kann ich Ihnen mit irgendetwas behilflich sein?⁴ – спросил он с благородством раненого врага.

– Sanitäter! Bitte, schicken Sie mir Sanitäter, ich sterbe!⁵ – умоляюще прозвучал в ответ слабый и жалующийся голос раненого.

Офицер позвал санитаров и остался стоять в ожидании их.

– Woher sprechen Sie so gut Deutsch?⁶ – спросил, вдруг, раненый унтер-офицер.

– Ich bin Deutscher,⁷ – был спокойный ответ артиллериста.

– Wie Deutscher? – удивился раненый. – Warum, zum Teufel, kämpfen Sie dann gegen uns?⁸ – бледное лицо раненого выражало крайнее возмущение.

---

⁴ «Могу я Вам чем-нибудь помочь?»

⁵ «Санитаров! Пожалуйста, пошлите ко мне санитаров, я умираю.»

⁶ «Откуда Вы так хорошо говорите по-немецки?»

⁷ «Я немец.»

⁸ «Как немец? Какого ж дьявола Вы тогда воюете против нас?»

– Weil ich Offizier der Russischen Armee bin, mein Land in Russland habe und auf diesem Lande geboren bin.⁹

Прибыли санитары, и он пошел дальше.

– Бедолага умирает за свой рейх на земле Российского рейха и не знает при этом ни своей истории, ни истории своего противника! – все еще размышлял над этим случаем немецкий офицер Русской армии, также затронутый и возбужденный происшедшим. – За что вообще он тут воюет? Если ему на его Родине не хватает земли, он мог бы придти к нам, в наши колонии. У нас ее достаточно и, если ее все же не достает, то мы покупаем все новые земли для вновь прибывших.

Сам он хорошо знал, за что и почему он борется. Он знал это тогда и знал это позднее, в Гражданской войне, которая для него как белогвардейского офицера кончилась также за границей, а именно в Германии – в Берлине.

Это знали может быть еще русские казаки, которые были свободными крестьянами, имели свою собственную землю и ее обрабатывали – это привязывает! А кроме них этого не знал, похоже, почти никто из русских, или немецких, или еще каких-либо участвующих в этой войне солдат и не каждый из их офицеров.

Вопрос был не в том, против кого биться, а за что биться. Это стало отчетливым в Гражданской войне, которая этот вопрос поставила и на него отчетливо ответила. Здесь бились как русские, так и немцы – все те, кто что-то имел – против русских и всех тех, которые ничего не имели и хотели то, что они не имели, отобрать у других.

Гражданская война была проиграна не немецкими колонистами и русскими казаками. Она была проиграна профессиональными русскими офицерами Белой гвардии, которые как профессиональные наемные солдаты так вяло бились в этой войне за их привилегии, за их честь и за Российскую корону. Они проиграли Гражданскую войну, поскольку они с их привилегиями, с их честью и с их профессионализмом были оторваны от своей земли. Честь и привилегии может завоевать, в конечном итоге, любой наемный солдат и в любой другой стране, как это всегда еще в истории доказывали те же немецкие наемные солдаты.

Когда после революции и Гражданской войны у немецких колонистов все было отобрано, то все и прошло: никто бы из них не бился по убеждению против своих немецких братьев, против «германцев», во Второй мировой войне, которую нищий грузин Сталин с такой наглостью объявил с русской стороны Отечественной войной. Не зря издал Сталин свой известный, убийственный указ о депортации и заключении немецких колонистов. Он-то точно знал, каким тяжелым и сложным сделал он за все эти годы этот Отечественный вопрос для немецких колонистов.

Третье отправление или о времени для философствования, для побед и для поражений

Таким образом, Германия не была для Отца ни Родиной, ни Отечеством. Тем не менее, это была его как немца немецкая земля¹⁰, которая в течение

---

⁹ «Потому что я офицер Русской армии, у меня земля в России и я рожден на этой земле.»

¹⁰ Deutschland – Германия, в дословном переводе с немецкого «земля немцев» так же как Russland – Россия: земля русских

полтора тысяч лет со времен переселения народов была богато полита потом и кровью его предков – его немецкой кровью – и в которой лежат похороненными тысячи и тысячи поколений Отцов и членов их семей.

Его предки, причастные к истории Германии и принимавшие участие в родовых болях возникновения и развития одной из изысканнейших культур Европы, взяли потом эту развитую культуру с собой в чужую страну, как дети, которые еще в чреве матери развивают целое множество и берут его потом с собой на Свет Божий. Тогда Германия – это Земля-Мать для них всех, так же как для всех немцев в колониях Германии или повсюду на белом Свете.

– Это было бы интересное философское упражнение, если я когда-нибудь буду сыт и согрет, а моя жизнь и жизнь моей семьи не будут подвергаться постоянным опасностям! – завершил Отец свои размышления, – Когда-нибудь я непременно вернусь к этому, если этот вопрос тогда все еще будет стоять и если когда-нибудь сложатся необходимые для такого философствования условия!

Он никогда больше не получил подобной возможности, вернуться к таким так высоко поставленным вопросам.

Он возвратился в Блюменорт¹¹ недалеко от Пришиба, где ему снова был нарезан кусок земли. Он снова стал крестьянином. Крестьянин сеет весной и жнет осенью – настолько проста эта вечная профессия. Насколько удалась она и Отцу в первый год. На следующий год он посеял весной, но пожинать осенью – если до этого вообще дошло – должен был кто-то другой, опять же без того, чтобы посеять.

Именно между севом и жатвой 1943-го произошли летние военные действия с несчастливой танковой битвой под Курском. Уже битое под Москвой и Сталинградом и захлебнувшееся наступление немецкого вермахта обратилось после этой тяжелой и также проигранной битвы в больше неудержимое с тех пор отступление.

Война достигла своей высшей и ставшей переломной точки и была уже проиграна Германией. Славная немецкая экспансия за счет «дранга нах остен» захлебнулась и превратилась в менее славное съезживание Третьего германского рейха до своего окончательного коллапса.

Обратный «дранг» Советов на запад начался. Те кто хотел оставаться в этом Третьем рейхе, должны были следовать его сжимающимся границам. Восточные границы представляли собой между тем уже четыре года – так же как и западные границы через один год после этого – горящие, грохочущие и очень подвижные линии фронта. Первыми оказались в числе «тех» фольксдойче из колоний в России, затем из других восточных земель и в конечном итоге фольксдойче из Восточной Пруссии, Силезии, Бёмена.

Это означало для них всех: снова запрягать в телеги лошадей, грузить на эти конные поезда-обозы мешки и пожитки, женщин и детей, оставлять позади себя все добро и имущество и отправляться. Много таких обозов с беженцами отправились тогда отовсюду в сторону Земли-Матери Германии.

В одном из таких обозов ехала семья Отца из четырех душ и состоявшая также из четырех душ семья его сестры. Пятая душа ее семьи – польский

---

¹¹ *Blumenort* – цветочное место (нем)

спаситель сестры и маленький советский функционер – дофункционировался между делом до советской тюрьмы и отсутствовал как тогда, так и остался после того навсегда отсутствующим. У сестры была восемнадцатилетняя дочь, а также семнадцатилетний и десятилетний сыновья.

Последний, все еще остававшийся после всех этих катастроф бастион – городской дом их Отца, немецкого колониста и выращивающего когда-то всем так необходимый хлеб крестьянина – должен был быть оставлен позади. Позади остался также сам, основанный и выстроенный Прадедом, Дедом и Отцом Пришиб с его евангелической церковью, с церковным кладбищем и фамильной гробницей на нем, с его центральной школой, в которой все дети Семьи начали или должны были начать свое образование.

Все что за более, чем сто лет было ими как немецкими колонистами выстроено и все, что как часть их Родины было ими любимо, все то «недвижимое» имущество и добро, которое никто и никогда не может взять с собой – все осталось позади и стало потерянным теперь уже навсегда.

Партизанская война или о первых ранениях и о вреде и пользе самогона

Первый этап бегства привел их в Западную Украину, где они должны были перезимовать. Окружных леса кишели бандитами, называвшими себя «партизанами». Это были соединения, подобные армии Батьки Махно, состоящие из людей, которые не хотели идти на войну ни на советской, ни на немецкой стороне. Они попрятались в лесах и объявили свое господство над этими лесными областями – свободные братья по типу лесных братьев Робин Гуда или опять же «зеленых сынов» Батьки Махно.

Но вот только и «свободные братья» тоже хотят жрать и зимой они тоже мерзнут. Чтобы обеспечить свои неисчислимые банды всем против того – против голода и холода – необходимым, они нападали на собственные деревни, из которых сами же и происходили, и отбирали у жителей деревень все, что находили у них съедобного, питейного и согревающего – прежде всего самогон, валенки и овчинные шубы. Они охотно предпочитали такие «боевые операции» более опасным нападениям на немецкие войска и гарнизоны.

Как-то ночью пришли они и в деревню, где ютились немецкие колонисты-беженцы. Когда бандиты с воплями: «Открывайте, фашисты!», – забарабанили в дверь хибары, в которой поселилась семья Отца, вскочил Отец – так в споднем белье, как он был – из постели и бросился всем своим крупным телом через окно наружу, прикрывая голову руками и ломая переплет оконной рамы вместе со всеми стеклами. Прямо перед окном был наметен огромный, покрывающий весь двор сугроб снега. После короткого разбега Отец врезался в отвесную снежную стену сугроба и свободной рукой нагреб еще снега на поглотившее его место.

Его порезанные осколками стекол руки кровоточили, и он надеялся только на то, что был достаточно быстрым и не оставил на снегу выдающих его укрытие кровавых следов. К счастью, во дворе все еще сильно пуржило и быстро замело все следы. Он мог отчетливо слышать, как в доме дети и Мать кричали от страха, как бандиты обыскивали дом, ища его и ругаясь:

– Этот фашистский гад смылся-таки от нас через окно!

Потом он почувствовал, как они протопали наверху над ним по сугробу и почти наступили на него. Слава Богу, бандиты очень торопились, боясь быть

пойманными солдатами немецкого гарнизона. Вскоре в доме и на дворе наступила тишина.

Отец из осторожности подождал, лежа в снегу, еще некоторое время, потом влез через выбитое окно назад в дом. Мать достала припрятанную бутылку самогона, крепко натерла его ноги и руки, обработала кровоточащие резаные раны повсюду на его руках. Немного подумав, они решили, что Отец – на случай, если бандиты снова придут – проведет остаток ночи на чердаке. Мать дала ему для согрева старую овчинную шубу и остатки самогона. Сама заткнула подушками окно, успокоила детей и легла с ними в постель. Мать была на восьмом месяце беременности.

*Следствия танковых сражений или о том, каким
спасительным может быть самое неподходящее*

Вскоре после этого обоз беженцев тронулся дальше в направлении Польши. Остановки становились все короче, поскольку фронт надвигался все ближе, и они можно уже слышать позади себя рокот канонады. Стоял февраль 1944-го. В дороге у Матери начались родовые схватки, и Отец с их подводой должен был свернуть в лежащую у дороги, польскую деревню. Весь обоз потянулся мимо них дальше.

Они остановились в небольшой крестьянской избе, и здесь Мать принесла на свет второго сына. Он появился очень некстати, но кто же мог так точно предвидеть исторические события – забеременела-то Мать еще перед танковым сражением под Курском.

После переночевки новорожденного запеленали, заткнули под пуховое одеяло к другим детям и поехали дальше, чтобы нагнать их обоз с беженцами. Они ехали почти целый день и, наконец, увидели его еще издалека.

Однако с обозом было что-то не ладно. Когда они подъехали ближе, то увидели картину ужаса – повсюду вдоль дороги были видны раздавленные остатки повозок и лошадей, лежащих в застывших лужах крови... По обеим сторонам дороги лежали опрокинутые и сломанные повозки с рассеянными вокруг них пожитками. Только одно огромное, черно-красное пятно осталось на бесконечном белом снегу и ни одна живая душа не вышла им навстречу.

Мать быстро натянула одеяло на головы испуганно застывших детей, и Отец быстро погнал лошадей дальше. Уже в потемках достигли они другой деревни и нашли там их отныне более чем ополовиненный обоз беженцев. Они узнали от все еще находящихся под шоком людей, что с ними случилось.

Их настигла и переехала русская танковая колонна, которая прорвала в каком-то месте фронт и дико кружила теперь по немецким тылам. Русские быстро научились от немцев их танковой тактике в начале войны при молниеносных прорывах фронта и взятии в клещи целых армий и успешно применяли ее в конце войны. Танки не охотились за беженцами – они просто проехали на полном газу по обозу и кто не успел освободить дорогу, остался лежать на ней раздавленный гусеницами.

После того как танки исчезли, оставшиеся в живых беженцы спасли всех и все, что еще можно было спасти, закопали в снег павших, распределили тех, кто поспрыгивал с их подвод, но потерял при этом их повозки и лошадей, по оставшимся целыми подводам и потянулись дальше.

Так некстати родившийся сын, как оказалось, появился все же на Свет как раз вовремя и кстати, чтобы спасти всю Семью. Его самого при этом полностью забыли, так как он был удивительно спокоен и не издал за весь день ни звука. Мать стала даже втайне надеяться, что новорожденный уже легко уснул навсегда и – слава Богу! – избавился от этих бессмысленных тягот и лишений.

Однако, когда она его распеленала, чтобы помыть и покормить, он мощно затребовал свое место под солнцем и заорал, вдруг, так оглушающе, что тайные мысли Матери тут же и навсегда улетучились, а их место заняла простая материнская радость.

– В конце концов защищал нас Господь доселе и у нас еще все относительно хорошо: Семья здорова и вместе, и, пока Отец с Семьей, с нами ничего, как и до сих пор, не может случиться! – успокоила она себя.

Второй фронт и селекция беженцев или о том, чего стоит быть арийцем и чего стоит принадлежность к прусско-дворянскому офицерству

После многомесячного, непрерывного марша они оказались в Лицманнштадте в Западной Польше. Фронт все же остался где-то далеко позади них, и они могли, наконец, насладиться передышкой. Все беженцы были поселены в сборный лагерь и ухожены.

Военные события развивались меж тем все стремительнее и все драматичнее. В июле западные союзники высадились в Нормандии. Прусские дворяне-офицеры прошляпили в конце июля очередную из их многочисленных, неудавшихся попыток покушения на своего «неистребимого» Фюрера, хотя некоторые из них наверняка имели на своих гербах прусский девиз: «Что бы ты не делал, делай это как следует!»

Им чего-то всегда не хватало! Иногда командующим армиями генералам не хватало действующего взрывателя; иногда, если взрыватель все же находился и даже готов был действовать, им не хватало времени, которого потом опять же не хватало Фюреру, чтобы выждать то установленное на временном взрывателе время и дать им, наконец, пустить себя на воздух. Взрывающихся безо всякой временной задержки ручных гранат, очевидно, не хватало в Берлине в любом случае, поскольку отчаявшийся от таких неудач главный заговорщик больше не доверял временным взрывателям, нашел на русском фронте одну из таких ручных гранат и все же успешно пустил – правда самого себя – на воздух.

Заговорщикам от двадцатого июля не хватало кроме того до крайности персонала. Один и тот же должен был подсунуть под задницу Гитлера в его «волчьем логове» добытую у англичан и рассчитанную с прусской экономностью бомбу – опять же с часовым механизмом – и одновременно быть в Берлине, чтобы принять меры для перехвата власти, что – чисто физически – оставалось еще всегда запрещено даже для дворян.

Прежде всего, не хватало прусско-военным дворянам, по-видимому, все же решимости и самоотреченности сегодняшних недворянских, мусульманско-цивильных, совершающих покушения самоубийц, которые используют бомбы без часовых механизмов, позволяющих подрывнику спасти свою жизнь.

Во всяком случае из-за их недееспособности им не удалось вовремя окончить войну и тем самым оказать Отцу большую помощь.

Истощавшее и обескровленное немецкое войско срочно нуждалось летом 1944-го свежего пушечного мяса и свежей военной крови, которая теперь могла даже не быть больше настолько уж арийской. Семьям беженцев из немецких колоний России было дано на скорую руку гражданство и их мужчинам, тем самым, право идти на войну даже как настоящие арийцы.

Отец – голубоглазый, рослый и между тем тридцатилетний блондин – был в самом начале сентября 1944-го вместе со многими другими его камерадами из окрестностей Пришиба призван – уже привычным к тому времени недобровольным способом – солдатом в войска ЭсЭс. Ему не помогли при этом ни его глазная болезнь, которая делала его ночью слепым, ни его предположительное плоскостопие, которое он пытался симулировать, чтобы открутиться от этого призыва. Новобранцы были погружены в вагоны и отправлены в военную школу войск ЭсЭс в Баварии.

Мать с тремя детьми – так же как и другие семьи беженцев – осталась в Польше, не имея ни малейшего представления о том, что их теперь ждет. Сестра Отца с двумя детьми – старший сын был тоже призван, правда, на службу при немецком коменданте – была тоже в этом лагере, хотя и прибыла с другим обозом беженцев.

Осенью, ко времени уборки урожая, в лагерь приехали бауэры-крестьяне из старой Германии, искать рабочую силу. Сестра, семья которой состояла из двух полных и одной половинной рабочей силы была отсортирована и взята одним из фермеров в Германию.

Мать с тремя малыми, требующими ухода детьми была забракowana и осталась пока в лагере. Так сумели-таки Отец и его Сестра возвратиться, наконец, в Германию. Между Отцом и его Семейей лежали, однако, расстояние почти в тысячу километров; немецко-польская, если даже временно и упраздненная, граница, конец войны и еще многие годы мытарств и неизвестности.

*